

Фэн У пребывал в замешательстве. С того странного ночного происшествия прошло несколько дней, наполненных молчаливой напряжённостью между его сумасбродными сыновьями. Тренировки перестали быть совместными; исчезли тайные вылазки в город, которые в общем-то не были тайными ни для кого во дворце. Даже шалости Фэн Су, часто доводящие князя до белого каления, резко сошли на нет. Казалось бы, Фэн У впору выдохнуть, но он слишком хорошо знал своего младшего сына и прекрасно понимал, что такое затишье наверняка скоро приведёт к буре, какой никто из них ещё не видел.

Характером Фэн Су очень походил на отца, вспыльчивый, резкий, не терпящий компромиссов — Фэн У был таким же в свои семнадцать. Но если ему самому пришлось обрести благоразумие, став правителем немногим позже, то Фэн Су... Чтож, князь мог лишь надеяться, что он хотя бы осознаёт, насколько тяжёл тот груз ответственности, лежащий на его плечах.

Фэн У не питал иллюзий — он не был родителем, о котором дети будут вспоминать с щемящей сердце нежностью после его смерти, но едва ли это вызывало в нём сожаление. Помимо ответственности за кровных детей, на его плечах лежал долг куда более значимый — благополучие и процветание страны зависело от его решений, так что и воспитать он должен был сына не любящего, но достойного занять его место. Палящее южное солнце взрастило на просторах бескрайней пустыни людей кипучей, жаркой крови; людей гордых и несгибаемых — они не потерпят слабого, разнеженного лаской князя. Потомки варварских племён — они склонятся лишь перед огнём, ласковым в очаге и беспощадным в битве. Так растили его самого. Юг в те времена находился на грани раскола, и детство Фэн У закончилось, не начавшись — оглядываясь назад, он бы даже не смог сказать, что научился делать раньше — держать меч или говорить. Прошлый князь Фэн был настолько слаб здоровьем, что советники боялись его кончины раньше, чем наследник успел бы достичь сознательного возраста. К счастью, боги оказались на их стороне, и, закалённый строгостью и воинскими лишениями, Фэн У взшёл на трон примерно в том же возрасте, в каком сейчас находился его младший сын.

Юность Фэн У сгорела в огне жестоких междоусобиц и захлебнулась в реках кипящей на солнце крови — это случилось много лет назад, но картины былого, выжженные раскалённым тавром и возникающие так ярко, стоит ему только закрыть глаза, сыграли с ним злую шутку — живущему в мирное время не осознать тягот войны. Так и Фэн Су не смог понять причин, почему отец так стремился воспитать его в строгости, полагая, что Фэн У попросту не испытывал к нему нежных родительских чувств. Обида, точившая душу Фэн Су с самого детства, как точит ветер пустынные скалы, приобрела форму настолько крепкую и нерушимую, что сотни лет пройдут, а она не истлеет. В этом он тоже походил на отца — чувства могут остыть, укрыться песками прожитых лет, но никогда измениться. И Фэн У понимал это лучше кого бы то ни было — он не сможет контролировать Фэн Су, не будучи в его глазах авторитетной фигурой. Но, на его удачу, был и другой способ.

— Если Его Величество желает назначить очередное наказание своим никчёмным сыновьям, — раздался голос в тишине тронного зала, звучный, как и всегда излишне самоуверенный, — ему следует начать, пока у одного из них не отнялись ноги.

Погрузившись в воспоминания, Фэн У даже успел забыть, что находился в тронном зале не один — преклонив колени, оба его сына дожидались очередного княжеского решения. За их спинами молчаливой тенью возвышался генерал, готовый в любой момент пресечь какую-нибудь глупую попытку бегства. Фэн У хмыкнул, пряча усмешку за широкой ладонью — он не знал наверняка, но мог дать руку на отсечение, что Ю Лингу пришлось тащить сюда Фэн Су за шкуру.

Поднявшись одним слитным, грациозным движением, Фэн У обвёл усталым взглядом стоящих на коленях братьев. Похожие внешне, они так разительно отличались характерами: и если Фэн Су шипел и кусался как новорожденный пустынный хищник, ещё не научившийся охоте; то Фэн Ся таился в песках, как таятся ядовитые гремучие змеи и скорпионы, поджидая неосторожного путника. Даже сейчас он молчал, смиренно опустив голову. Фэн У медленно обошёл его, огладив взглядом напряжённые плечи; пальцы, нервно сжимающие ткань на коленях; дрожащие ресницы опущенных глаз. Зайдя ему за спину, Фэн У остановился, силясь понять, какие же чувства его старший сын вызывал в нём спустя столько лет. Была ли его ненависть когда-нибудь настоящей? С самого детства Фэн Ся так сильно походил на свою мать — в этом не было его вины, в конце концов, он её даже не знал — но именно это и приводило Фэн У в абсолютное бешенство. Фэн Ся улыбался ему улыбкой своей матери, смотрел глазами своей матери и слёзы сдерживал привычкой своей матери сжимать губы в тонкую полоску — когда-то Фэн У всё это так сильно любил. Сейчас его меч горел на солнце яркими бликами, но иногда он всё ещё видел на нём густую алую кровь, падающую зёрнами граната к его ногам.

Фэн Ся походил на мать ещё в одном — он был стойким. Потерпев неудачу — пробовал снова; упав — поднимался. В глубине души Фэн У признавал, что старший сын подошёл бы на роль наследника куда лучше своего взбалмошного брата. Но ещё он признавал, что с течением времени ненависть в нём превратилась в другое чувство. Постыдное для правителя процветающей страны, почти недопустимое.

Страх.

Дерзкие речи и поступки Фэн Су пусть и доводили князя до белого каления, в большинстве своём они были предсказуемы и не несли угрозы. Молчаливая стойкость Фэн Ся вызывала опасения — также вела себя Цзинь Мэйхуа, медленно вонзая нож в спину Фэн У. Конечно, Фэн Ся никогда не давал поводов усомниться в своей верности, но все эти годы он был лишь ребёнком, стремящимся снискать расположение отца. Хороший воин, почтительный сын — он превращается в мужчину, мысли и желания которого уже не так очевидны для Фэн У. Как скоро он решит избрать другой путь?

Пугало и другое. Реши Фэн Ся взбунтоваться, Фэн Су не встанет на сторону отца. Какими бы разными ни были братья, и как бы они ни ссорились, истина была очевидна — единственным человеком, способным контролировать безобразное поведение Фэн Су являлся его старший брат. И если Фэн У хотел сохранить мир и спокойствие в своём княжестве, ему необходимо было переступить через свою былую ненависть и новообретённый страх — он должен дать Фэн Ся поощрение, подкрепить его верность и обрести в нём союзника раньше, чем тот решит стать врагом.

— Меня не интересует, что случилось между вами двумя. — Фэн У, обойдя стоящих на коленях сыновей, остановился напротив окна, сложив руки за спиной. Золотые нити на его одеждах в лучах полуденного солнца горели и переливались, и казалось, что вышитые фениксы ожили, медленно качая пышными хвостами. — Но оно должно прекратиться.

Фэн Су фыркнул, закатив глаза. У него давно затекли колени — это злило и совсем не располагало к долгим разговорам, но как бы то ни было, у него всё-таки хватало совести не вести себя совсем уж неуважительно хотя бы в тронном зале — не в качестве дани отцу, но в знак почитания куда более великим предкам, когда-то его занимавшим.

— И чего же Его Величество Отец от нас хочет? Чтобы мы обнялись на его глазах? Или, может наоборот, избили друг друга?

Фэн У порадовался, что стоял спиной. Пререкания Фэн Су не стали для него неожиданностью, но гнев проще сдерживать, если не смотреть на него. Сжав пальцами переносицу, он медленно выдохнул, зажмурился уставшие от яркого солнца глаза.

— Я хочу, чтобы вы перестали вести себя как глупые мальчишки! — Бросил он через плечо. Тяжёлые полы его одежд прошелестели взмахом птичьего крыла, когда он развернулся, бросая строгий взгляд на братьев. — Через три дня в Храме Неугасимого пламени пройдёт гуань ли[1] твоего брата. И я хочу, чтобы бинь[2] этой церемонии выглядел как достойный будущий правитель, а не выставлялся посмешищем своим детским поведением и неуместными обидами!

Фэн Су, как и его отец, совсем не обладал хитростью скрывать эмоции. Ни его злость, ни радость никогда не были тайной, он читался как открытая книга. Так и сейчас эмоции его были предсказуемы. Напрочь забыв о всяком приличии, он подскочил на ноги как ужаленный, лишь слегка поморщившись от неприятного покалывания в затёкших коленях. Широко распахнув глаза, он кидал беглые взгляды то на отца, успевшего снова важно воссесть на трон; то на замершего с прямой спиной брата; то на Ю Линга, молчаливо стоящего за их спинами и пытающегося скрыть улыбку, но дрожащие уголки губ всё равно его выдавали. Ссора с братом забылась в мгновение ока.

Фэн У быстро потерял к нему интерес, переключив всё внимание на Фэн Ся, что, казалось, превратился в камень. Пальцы сжались на коленях так сильно, что побелели костяшки; дрогнул юношеский кадык; не доносилось даже дыхания. Было то страхом? Радостью? Грустью? Фэн У смотрел на него и не находил ответа. Кем был человек перед ним? Сыном своего отца? Или своей матери?

— Значит ли это, — Фэн Су, наконец, перестал бегать глазами по всем присутствующим и нашёлся со словами, — что Ся-гэ, наконец, перестанет носить это унизительное имя?

Фэн У посмотрел на него, долго и пристально, без особой надежды, конечно, что тяжёлый отцовский взгляд сможет его успокоить. А затем обратился к своему старшему сыну:

— А ты что скажешь, Фэн Ся? Какое имя ты хотел бы носить?

То был не вопрос. Ведь едва ли на него существовал правильный ответ.

Фэн Ся поднял глаза — горящий янтарь; пламя, ласковое в очаге и беспощадное в битве.

— Его Величество уже дали мне имя. — Сказал он, едва заметно вздёрнув подбородок — пока совсем неуловимый, жест не сломленного юнца, но гордого мужчины. — Мне не нужно другого.

И если до этого момента Фэн У сомневался в том, что собирался сделать, то в этот самый миг он окончательно осознал — дерзкие выходки Фэн Су никогда не имели никакого значения. Пустынное пламя, что двадцать лет медленно разгоралось под сенью его дворца — вот, что ему на самом деле всегда стоило контролировать.

—□□—

Три дня пролетели в непривычной для Фэн Ся суете. С него снимали мерки; вокруг крутились служанки, застенчиво пряча глаза. Будто бы он и впрямь был благородным сыном князя, а не презренным сыном изменницы. Конечно, Фэн Ся не мог сказать, что все эти годы кто-то во дворце или за его пределами открыто выражал к нему неприязнь, но взгляды, которыми его одаривали, полагая, что скрытно, всегда оставляли после себя неприятное чувство — зудящее

ощущение налипшего песка на рагорячённую тренировкой кожу. Долгие годы Фэн Ся привыкал к ним, становился с ними единым целым и вот, когда наконец он перестал предавать им значение, всё изменилось.

Служанки радостно кружились, внимая даже не каждому слову, а вздоху; хотя буквально вчера прислуживать второму молодому господину считалось наказанием и к нему приставляли лишь каким-либо образом провинившихся, самых неуклюжих девиц. Стража склоняла головы ниже обычного. Дворцовая кухня интересовалась, чего бы ему хотелось на обед. И если раньше от взглядов, брошенных украдкой, кожа просто зудела, теперь же она горела огнём. И если именно так ощущалась княжеская благосклонность, Фэн Ся предпочёл бы и вовсе её не испытывать. Точно не после стольких лет, проведенных им в опальном положении. Что бы он предпочёл на самом деле, так это проскользнуть мимо стражи давно изученными тайными тропами; полакомиться вишней в карамели вместе с Чуньшен, вспоминая забавные моменты из детства, и, может быть, спрятать улыбку в ночной темноте, заметив робкую детскую тень у соседнего павильона и сделав вид, будто на самом деле ничего не заметил. Всю жизнь он жаждал внимания отца, отчего же получив его, вдруг почувствовал такую странную тяжесть на сердце?

Двадцать лет жителям Юга не было никакого дела до жизни Фэн Ся, но в назначенный день казалось, будто у Храма Неугасимого пламени собралась вся столица. Люди, считавшие его не более, чем тенью былого предательства, эхом кровавой бойни, вдруг стали смотреть на него прямо. И от их взглядов ломило кости как от сотен вонзённых в спину стрел. Фэн Ся не оборачивался, замерев перед уходящими ввысь ступенями — в лучах яркого южного солнца мелкое песчаное крошево блестело на светлом нефрите тончайшей позолотой, по которой ему предстояло пройти. Последний раз он поднимался по этим ступеням для принятия наказания. Сейчас же ему предстояло принять что-то другое, но странным образом большой разницы почему-то не ощущалось.

Песок на ступенях хрустел под ногами — ломалась хрупкая позолота под тяжестью неотвратимого.

Внутри храма, как и в прошлый раз, пахло раскаленными углями и горьким ароматом жасминовых благовоний — густой, осязаемый запах ложился на плечи и оплетался оковами вокруг лодыжек. Адепты в своих алых одеждах, расшитых золотыми языками вихрастого пламени стояли вдоль стен, почтительно склонив головы. Фэн Ся не нервничал так даже в день наказания. Дрогнули пальцы и холод коснулся самых их кончиков, хотя вокруг было так жарко и душно, что с трудом получалось дышать. Шрамы на спине давно затянулись, превратившись в очертания спрятавшихся в песке ядовитых змей, но отголосок пережитой боли всё равно лёгким прикосновением огладил спину от затылка до поясницы, заставив Фэн Ся едва заметно повести плечами.

Жест не укрылся от стоящего за пылающим пламенем алтарём Фэн У. Сжав губы в тонкую линию, он смотрел на своего старшего сына взглядом полным тёмной, глубинной горечи — не от пережитого им, но от кровавых воспоминаний, переполняющих его самого — и рыжее пламя горело на дне его чернеющих зрачков. Статная каменная фигура Фэн Хуана и резные крылья феникса высились позади него так величественно, что перехватывало дыхание. Огненные блики скользили по шёлку чёрных одежд, как восходящее солнце скользит по водной глади цветущего среди пустыни оазиса.

Фэн Ся поймал его взгляд — раскололся один из углей и с шипением брызнули в воздух янтарные искры.

Лишь после медленного церемонного поклона Фэн Ся заметил стоящего сбоку от алтаря брата. Фэн Су держал его копьё остриём вниз с водружённой на него простой шапкой чёрного цвета. Он стоял, гордо расправив плечи, но по тому, как побелели костяшки его руки, сжимавшей древко, легко можно понять, как сильно он нервничал. Они не говорили с того самого ночного происшествия, тайно терзаясь мыслями о нанесённой друг другу обиде, но в этот момент всё это стало казаться таким глупым и таким несущественным. Фэн Су церемонно поклонился, пуще прежнего сжав древко копья с такой силой, что Фэн Ся даже заперезживал о его сохранности. Поклонившись в ответ, он улыбнулся самыми уголками — безмолвное примирение, оставшееся незамеченным всеми, кроме того, кому оно предназначалось.

Церемония походила на медитацию — размеренные бесчисленные поклоны князю, гостям, брату; шорох сменяемых одежд; дурманящие голову ароматы благовоний — всё это текло так плавно, как течёт золотой рекой песок с пустынных барханов. К тому моменту, как чёрная шапка сменилась на медный шлем с красной кисточкой из лоснящегося конского волоса, Фэн Ся почти пребывал в транс, загипнотизированный танцующими языками пламени вокруг алтаря, перед которым он стоял на коленях. Отступило волнение, оставив после себя чувство странной опустошённости. Двадцать лет Фэн Ся жил в немилости собственного отца, но именно эта немилость сделала его тем, кем он являлся — хорошим воином, почтительным сыном, надёжным братом. Эта немилость была ему понятна.

Кем же он должен был стать теперь?

В мороке дымящихся благовоний чудились странные образы. Движения потеряли чёткость. И липкий жар горящего пламени перестал казаться обжигающим. Приторной патокой что-то поднялось от желудка к самому горлу. Ритуал в Храме Неугасимого пламени — невероятная честь для сына изменницы, о которой Фэн Ся и помыслить бы никогда не осмелился, но он странным образом превратился в пытку. Фэн Ся тошнило, ноги едва слушались, глаза слезились от жара и аромата жасмина. Он чувствовал, как Фэн Ся за спиной протягивает его волосы в отверстие резного гуаня с узорами фениксов, которые ему запрещалось носить с самого рождения, но всё, о чём он мог думать в тот момент, это как заставить язык отлипнуть от неба и проглотить ком противно вязкой слюны.

В Храме не было тихо, но в ушах Фэн Ся звенело, словно все звуки вмиг исчезли. Шорох тяжёлых княжеских одежд не донёсся до его слуха, как и взволнованный вздох Фэн Су за спиной.

Золотые узоры фениксов на чёрной ткани оживали взмахами крыльев, закрывая собой языки танцующего вокруг алтаря пламени, когда Фэн У подошёл ближе, встав перед ним.

Князь смотрел сверху вниз всего мгновение, показавшееся Фэн Ся вечностью. Усилием воли он пытался вернуть себя в реальность, мысленно приказывая звону в ушах отступить.

И звон подчинился.

— Встань.

Голос Фэн У звучал как гонг, призывающий на войну — неотвратимо.

— Фэн Хуа.

Комментарии и примечания:

[1] Гуань ли — (кит. trad. 冠禮, упр. 冠礼) — «обряд совершеннолетия», «ритуал надевания шапки»,

«церемония увенчания» — это древний китайский конфуцианский обряд совершеннолетия для юношей (в 20 лет), знаменующий переход во взрослую жизнь. ритуал включает в себя троекратное надевание трёх разных головных уборов:

- Цзыбугуань — головной убор из чёрной ткани — призван был научить молодого человека не забывать о трудностях, которые испытывали прежние поколения
- Пибянь — изготавливался из оленьей кожи белого цвета, сопровождался надеванием соответствующего парадного платья и имел более высокий статус, чем шапка цзыбу — означал обязанность нести военную службу
- Цзюэбянь — изготавливался из ткани пурпурного и черного цветов — самый почитаемый, означал право на участие в жертвоприношениях

после ритуала юноша получал взрослое имя и считался мужчиной.

! в угоду сюжета головные уборы изменены.

[2] Бинь — буквально «гость» — участник церемонии, в обязанности которого входило надевать головные уборы на принимающего обряд. обычно его выбирали при помощи гадания из старших родственников мужского пола, но в данном тексте это также изменено по прихоти автора и в угоду сюжета.

<http://bllate.org/book/14934/1604839>